

УДК 81'36'373.424
ББК 81.1

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОНЯТИЯ «ЯЗЫКОВАЯ ИГРА»

Н. Ю. Тимофеева

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

PRAGMATIC ASPECT OF THE CONCEPT OF LANGUAGE GAME

N. Yu. Timofeeva

Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky

Поступила в редакцию 14 января 2019 г.

Аннотация: в лингвистических работах последних десятилетий разнообразие нестандартных единиц языка, используемых в эстетико-комических целях, объединено понятием «языковая игра». При этом большинство исследований, посвященных данному феномену, опирается на письменный материал. Применение термина к фактам устной речи требует учета социопрагматических составляющих коммуникации. Особенное значение имеет изучение иллокутивной направленности речевых актов, содержащих нестандартные единицы. В статье анализируется функциональный аспект языковой игры как параметр уточнения терминологического объема. Наблюдения за устной речью крымского города демонстрируют использование нестандартных речевых единиц не столько в эстетических, сколько в контактоустанавливающих и контактоподдерживающих целях. Функциональное различие подкрепляется различной спецификой референции игровых единиц. Для некоторых из них характерна пустотность или неопределенность референта, в то время как у других определенность сохраняется. Это обстоятельство вносит коррективы в содержание термина «языковая игра», который, по мнению автора, целесообразно применять в случаях реализации поэтической или фатической функции языка. При учете этого параметра оказывается, что достаточное количество языковых фактов креативного характера, возникающих под воздействием экономии речевых усилий или для заполнения лакун номинации, не входят в объем исследуемого термина.

Ключевые слова: языковая игра, иллокуция, референция, функции языка.

Abstract: linguistic works of the last decades unite a vast variety of non-standard units of language used for esthetic and comic purposes under the umbrella term “language game”. The majority of studies use written texts as their source of data. The use of the same term for colloquial speech research requires taking socio-pragmatic components of communication into consideration. The illocutionary intention study of speech acts with non-standard language units becomes especially important. The paper analyses functional aspect of language game as the parameter which can help to make the definition of the concept more precise. Observations into the colloquial speech of the Crimean city dwellers allow the author to come to a conclusion that the use of non-standard language units aims primarily at phatic communication, i.e. establishing and maintaining contact, but not at making esthetic impression. Functional diversity is supported by specific reference of the language units: for some of them the referent can be empty or indefinite, while others retain the definiteness of their referent. This fact requires redefinition of the scope of the concept of language game, which, as the author claims, should only be used to denote the cases when poetic or phatic functions are fulfilled. When taken into consideration, this parameter shows that a lot of cases of creative language usage which occur with the aim of economy of speech efforts or filling lacunae cannot be classified as language game.

Key words: language game, illocution, reference, language function.

Системные исследования русской разговорной речи, предпринятые в 1980-е гг. школой Е. А. Земской, выявили особый тип речевого поведения, соотносенный исследователями с понятием «языковая игра»

(далее – ЯИ), впервые употребленным Л. Витгенштейном в его «Философских исследованиях» [1]. Следует отметить, что размышления австрийского ученого были связаны с феноменом игры в его широком смысле. Л. Витгенштейн не выделял понятия

языковая игра как подвид игры, но считал игровой природу языка и рассматривал всякий речевой акт как реализацию этой природы, ибо практика употребления языка убеждала в неоднозначности соответствия означающего и означаемого, бесконечном варьировании смысла в каждой новой речевой ситуации «как форме жизни» [1, с. 90]. Работы Л. Витгенштейна обозначили основные положения и проблемную зону теории коммуникации. В последующем развитии этого направления, прежде всего в работах Дж. Остина и Дж. Сёрля, было установлено, что, вступая в коммуникацию, говорящий использует языковые средства не только для передачи информации, но и для достижения прагматических целей. Типология речевых актов, разработанная Дж. Сёрлем, впоследствии подвергалась критике, коррекции и трансформации, но ее сущностный принцип оставался неизменным. В основе речевого действия лежит динамическая иерархия его компонентов, каждый из которых в тот или иной момент коммуникации может стать доминирующим. Отличие одного речевого акта от другого заключается в различной иллокутивной направленности речи говорящего: на слушающего, на самого себя, на окружающую действительность или собственно языковую сторону коммуникации – код или сообщение. Очевидно, что работы Дж. Сёрля опирались на функциональное разграничение высказываний, сформулированное Р. О. Якобсоном [2]. Американская прагматическая лингвистика сфокусировалась на более детальной градации типов речевого действия аппелятивного характера, тогда как Р. О. Якобсон в своей работе подчеркивает актуальность исследований поэтической стороны коммуникации [2, с. 206].

Именно этот аспект функциональной типологии Р. О. Якобсона позволил Е. А. Земской выделить из речевого многообразия факты «эстетической» направленности. В дефиниции, сформулированной Е. А. Земской, ЯИ представляет собой особый тип речевых действий, при осуществлении которых говорящий обращает внимание на «способ оформления мысли», когда коммуникация получает «эстетическое задание, пусть даже самое скромное» [3, с. 175]. В ряду явлений, объединенных понятием ЯИ, оказываются слова-самodelки, словообразовательные нонсенсы, каламбуры, эвфемизмы, оригинальные сравнения, метафоры, метонимии, трансформации фразеологизмов и другие выразительные средства языка.

После выхода работ школы Е. А. Земской феномен ЯИ, в силу своей яркой индивидуальности, становится постоянным объектом лингвистического наблюдения. Публикуются монографии С. Ж. Нухова [4] и В. З. Санникова [5], под руководством профессора С. В. Ильясовой на базе Южного федерального университета выполняется обстоятельное описание приемов и методов языковой игры в текстах СМИ [6],

в Екатеринбурге возникает школа профессора Т. А. Гридиной, специализирующаяся на исследовании креативных явлений в языке. Стоит отметить, что материалом данных исследований преимущественно выступают тексты публицистики и художественной литературы, а устный аспект ЯИ представлен явлениями детской речи [7]. Активное изучение творческого аспекта спонтанной речи предпринято и на базе Крымского федерального университета [8].

Очевидная неравномерность проработки нестандартных форм использования языка обуславливает актуальность изучения устного варианта ЯИ. В этом направлении предприняты исследования Ю. О. Коноваловой (2008), А. Б. Цыреновой (2011), С. И. Краса и А. В. Волкогоновой (2012), Е. Б. Лебедевой (2014), Т. Г. Рабенко (2014), С. В. Фуниковой (2016) [9–14]. Большинство авторов констатирует необходимость использования лингвопрагматического аппарата, что продиктовано спецификой устного дискурса. Однако методы применения теории коммуникации и теории речевых актов при анализе ЯИ оказываются различными. В монографии Ю. О. Коноваловой прагматический аспект представлен обобщенной характеристикой говорящего (дееспособность и владение кодом) и рефлексивным представлением об этих характеристиках и свойствах ЯИ в сознании языкового коллектива [9, с. 151–153]. В работе С. В. Фуниковой речевой аспект ЯИ представлен не вполне устными формулами – объявлениями и предупреждениями в общественном транспорте, многие из которых, по мнению самого автора, реализуют цели, близкие к рекламным [14, с. 37]. Логика систематизации материала в большинстве работ реализует поуровневый принцип, что приводит к повторяющемуся выводу о сквозном характере ЯИ, проникающем все уровни языка.

С нашей точки зрения, недостаточная эффективность исследований устного варианта ЯИ объясняется размытостью терминологического содержания. ЯИ трактуется как вид речевых действий, имеющих эстетико-комическую направленность, которые, по утверждению Е. А. Земской, «не имеют какого-либо серьезного содержания» [3, с. 173]. При этом сама соотносительность действия и его содержания чаще всего упускается из виду. Иными словами, следует учитывать специфику коммуникативного намерения говорящего, так как феномен ЯИ в его деятельном аспекте неразрывно связан с иллокуцией высказывания. Предпринятое нами исследование имеет целью выявить иллокутивную специфику речевых актов, содержащих ЯИ, и таким образом восполнить недостающее звено в определении термина, а именно – уточнить один из дифференциальных признаков явления. Материалом исследования послужили факты картотеки устной речи крымчан, формируемой на

кафедре русского, славянского и общего языкознания Крымского федерального университета. Паспортизация каждого высказывания включала социальную и физиологическую характеристику коммуникантов, а также описание ситуативного контекста. Факты речи были подвергнуты словообразовательному, семантическому и дискурсивному анализу.

Замечание Е. А. Земской об ослаблении содержательной стороны единиц ЯИ повторяет утверждение Дж. Сёрля об отсутствии какой-либо серьезной позиции в явлениях игрового характера [15, с. 74]. Игра вообще и языковая игра в частности представляются Дж. Сёрлю как род человеческой деятельности, регулируемой «конститутивными правилами» [15, с. 59], т. е. в функциональном аспекте ЯИ совершается для собственного осуществления. Именно эта особенность ЯИ как речи ради речи, как балагурство и острословие позволяет дифференцировать отдельные языковые явления как игровые. При этом представляется бесспорным утверждение Е. В. Ключева о том, что никто не вступает в коммуникацию абсолютно бесцельно [16, с. 222]. Другое дело, что в многообразии речевых действий особенно выделяются те, иллокутивная сила которых направлена на сообщение. Это, по мнению Р. О. Якобсона, случаи реализации поэтической функции языка [2, с. 202]. Форма речи, а не ее пропозициональное содержание выступает на первый план в подобных высказываниях. Но при строгом анализе устных речевых актов эта функция в чистом виде реализуется крайне редко, как, например, во фразе *Для влюбленных по вечерам катамараны превращаются в катароманы, после которых у этих молодых людей рождаются катаРоманчики*. В этом примере дискурс организуется словообразовательными средствами: *катаМаРан – катаР[а]Ман – катаРоманЧИКи*, причем в последнем отрезке происходит не только аффиксальное изменение значения, но и обыгрывание омонимии уменьшительной формы нарицательного существительного и имени собственного (*романчик – Романчик*). Референция высказывания отсылает слушателя в воображаемое любовное путешествие на катамаране. При этом пропозициональное содержание не соотносимо с действительностью, что подчеркивается глаголом *превращаются*, показателем иллокутивной функции. Если исходное слово – *катамаран* – неразложимое целое, то первое его производное – *катароман* – представляет собой окказиональный контаминант с нулевым (с точки зрения языковой системы) денотатом левой части. Если для первого производного допустимо толкование ‘романы на катамаранах’, то для второго *катаРоманчики* подобная попытка оказывается логическим и прагматическим нонсенсом (‘мальчики Романчики, рожденные на катамаранах’). В этом примере очевиден особый подход к

дискурсу, когда говорящий не конфигурирует высказывание в соответствии с прагматикой ситуации, а, игнорируя ее компоненты, моделирует несуществующие отношения и связи и реализует поэтическую функцию языка.

Гораздо чаще высказывания, содержащие элементы ЯИ, возникают для реализации эмпатии, как в реплике студентки *Несчастливая ты будняжка*, прозвучавшей в ответ на жалобу уставшей от будничной рутины подруги. Здесь функциональным показателем выступает ласкательность аффикса, который обеспечивает большую контактность участников. Окказионализм *будняжка* по своей референтной диффузности близок к пропозиционально «пустотным» этикетным оборотам [15, с. 74]. Аналогично реализуется эмпатия и во фразе-реакции на чужое несчастье *Вот бедасечка*, где деминутивная форма не столько референтно близка к приуменьшенному масштабу случившегося, сколько аккумулирует сочувствие слушающему. Иллокутивная направленность на контакт, реализующаяся в подобных высказываниях, не позволяет дифференцировать их как интенционально замкнутые, обращенные на самое себя. Соответственно, они реализуют отличную от поэтической функцию языка. Эта функция впервые была определена Р. О. Якобсоном как фатическая [2, с. 201], Э. Бенвенистом как контактоустанавливающая [17, с. 318] и в последующем была противопоставлена информационной функции в работах Т. Г. Винокур [18–20]. Большинство явлений ЯИ относятся именно к контактоустанавливающим или контактоподдерживающим языковым средствам. В этой функции у языковых средств в практике их применения наблюдается усиление асимметрии отношений «означающее-означаемое» [19, с. 75] или сдвиг референции [16, с. 234], когда в процессе реализации иллокутивного намерения высказывания ослабевает референциальная однозначность отдельно взятой единицы [16, с. 231]. Таким образом, явления ЯИ различаются типом своей функциональности – поэтической и фатической. При этом, хотя параметр эстетичности, предложенный Е. А. Земской, не применим ко второму типу, оба типа по своей референциальной аномальности могут быть отнесены к понятию ЯИ.

Разновидностью выражения эмпатии или подвигом фатической функции можно считать интимизацию общения. Так во фразе-реакции молодого человека на ойканье его возлюбленной *Что ты так переживаешь, моя ойойойка?* окказиональное обращение, несмотря на конкретность своего референта – участника диалога, оказывается не совсем самостоятельна. По своей иллокутивной роли в высказывании эта единица сливается с функциональным показателем – предшествующим местоимением *моя*, подчеркивающим особый род контакта между коммуникантами.

Кроме рассмотренных выше функциональных типов ЯИ на практике существует большое количество высказываний, содержащих нестандартные единицы с недеформированной референцией, т. е. сохраняющих основное назначение языка сообщать о «положении дел» [15, с. 74] и позволяющих соотносить акт речи с внеязыковой действительностью. Среди таких явлений оказываются окказиональные и потенциальные языковые формы, заполняющие семантические лакуны номинации: *парламентерша*, *бровикюр*, *таксист*. Первые две единицы имеют референт, который соотносим с действительностью даже при отсутствии объясняющего контекста. Их семантика доступна носителям языка вне конситуации. Смысл «вычисляется» по форманту или словообразовательной аналогии: ‘парламентер женского пола’, ‘уход за бровями’. Значение третьей единицы выявляется только в контексте разговора о собаках: *У твоей сестры такой милый рыжий таксист*, так как номинация создана омонимией форм: *таксист* – ‘водитель такси’ и *таксист* – ‘кобель таксы’. Во всех трех примерах очевидно отсутствие в языке закрепленной за явлением действительности нормативной единицы.

Нестандартная номинация возникает и в результате экономии речевых усилий, когда место описательного словосочетания занимают универбы. Так сокращаются *оброс бородой – побородел*, *принимать витамины – витаминиться*, *студенты третьего курса – третьекурсы*, *завсегдатаи ВИП-зоны в ночном клубе – випари*, *поздний вечер – ночер*. Референты этих единиц сохраняют определенность в структуре высказывания, иллюкуция которого обращена на окружающий мир: *Ого, как ты побородел!* – констатация неизвестного до того факта, *После болезни всегда витаминюсь* – констатация последовательности регулярных действий, *А третьекурсы пойдут?* – необходимость установить факт, *Подходил этот, из випарей, о тебе спрашивал* – номинация неизвестного лица по принадлежности к группе, *Не могу пойти с вами: я должна возвращаться домой ночером, а после двенадцати у нас в семье ночь* – номинация точного отрезка времени. В этих случаях нестандартные формы функционально равнозначны нормативным единицам и поэтому, на наш взгляд, должны отделяться от собственно игровых, использующихся в иных целях.

Безусловно, каждый речевой акт представляет собой сложную в своей подвижности систему многоаспектных компонентов, но в речевом оформлении его структуры реализуется иллюкутивная монополия только одного из этих компонентов. Это положение позволяет использовать функциональное различие фактов использования нестандартных языковых единиц в речи для уточнения объема понятия «языковая

игра», который, на наш взгляд, представляет собой совокупность тех из них, в которых реализуется иллюкутивная установка на само сообщение или контакт участников. С учетом прагматического аспекта содержание термина может иметь следующую формулировку: ЯЗЫКОВАЯ ИГРА – речевое действие, заключающееся в намеренном отклонении от стандартного использования языка с целью поддержания коммуникативного контакта или создания эстетически значимой формы высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы / Л. Витгенштейн. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. 1. – С. 75–321.
2. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм: за и против. – М.: Прогресс, 1975. – С. 193–231.
3. Земская Е. А. Языковая игра / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русская разговорная речь. – М., 1983. – С. 172–214.
4. Нухов С. Ж. Языковая игра в словообразовании. На материале лексики английского языка: дис. ... д-ра филол. наук / С. Ж. Нухов. – М., 1997. – 372 с.
5. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 544 с.
6. Ильясова С. В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ: дис. ... д-ра филол. наук / С. В. Ильясова. – Ростов н/Д., 2002. – 432 с.
7. Лингвистика креатива-2: кол. монография / под общ. ред. проф. Т. А. Гридиной. – 2-е изд. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. – 379 с.
8. Петров А. В. Реализация творческого потенциала в речи крымчан / А. В. Петров // Современная картина мира: крымский контекст: кол. монография / под ред. Г. Ю. Богданович. – Кн 1. – Симферополь, 2017. – С. 45–68.
9. Коновалова Ю. О. Языковая игра в современной русской разговорной речи: монография / Ю. О. Коновалова. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2008. – 196 с.
10. Цыренова А. Б. О некоторых особенностях аллюзивной языковой игры / А. Б. Цыренова // Язык и культура. – 2011. – № 1 (13). – С. 109–115.
11. Красса С. И. Модели языковой игры в социолекте / С. И. Красса, А. В. Волкогорова // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер.: Лингвистика. – 2012. – № 25. – С. 74–79.
12. Лебедева Е. Б. Уточнение понятия «Языковая игра» в лингвистике / Е. Б. Лебедева // Язык и культура. – 2014. – № 4. – С. 48–63.
13. Рабенко Т. Г. Фатика и средства ее реализации в радиоэфире / Т. Г. Рабенко // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. – 2014. – № 3 (29). – С. 50–59.
14. Фуникова С. В. Языковая игра как актуальная тенденция в городской коммуникации (на материалах г. Белгорода) / С. В. Фуникова // Научный результат. Серия «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики». – 2016. – Т. 2, № 3. – С. 35–40.

15. Сёрль Дж. Что такое речевой акт? / Дж. Р. Сёрль // *Философия языка*. – сост. Дж. Р. Сёрль. – Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – С. 56–75.
16. Клюев Е. В. Речевая коммуникация: учеб. пособие / Е. В. Клюев. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 320 с.
17. Бенвенист Э. Формальный аппарат высказывания / Э. Бенвенист // *Общая лингвистика* / под ред. Ю. С. Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – С. 311–319.
18. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – М.: Наука, 1993. – 172 с.
19. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц / Т. Г. Винокур. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 240 с.
20. Винокур Т. Г. Информативная и фатическая речь как выражение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего / Т. Г. Винокур // *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект*. – М.: Наука, 1993. – С. 5–29.

REFERENCES

1. Wittgenstein L. *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Investigations]. Moscow: Gnozis, 1994. Vol. 1. P. 75–321.
2. Jakobson R. Linguistic and poetics. In *Strukturalizm: za i protiv*. Moscow: Progress, 1975. P. 193–231.
3. Zemskaya E. A., Kitaigorodskaya M. V., Rozanova N. N. Yazykovaya igra [Language play]. In *Russkaya razgovornaya rech'* [Russian colloquial speech]. Moscow: Nauka, 1983. P. 172–214.
4. Nukhov S. Z. *Yazykovaya igra v slovoobrazovanii. Na materiale leksiki anglijskogo yazyka* [Language game in word derivation in the English language]. Ph.D. dissertation. Moscow, 1997. 372 p.
5. Sannikov V. Z. *Russkij yazyk v zerkale yazykovoj igry* [Russian language in the mirror of language play]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 1999. 544 p.
6. Il'yasova S. V. *Slovoobrazovatel'naya igra kak fenomen yazyka sovremennykh SMI* [Derivation language play as a linguistic phenomenon in mass media]: Ph.D. dissertation. Rostov-na-Donu, 2002. 432 p.
7. *Lingvistika kreativa-2* [Linguistics of creativity]. Ed. by T. A. Gridina. Ekaterinburg, 2012. 379 p.
8. Petrov A. V. Realizatsiya tvorcheskogo potentsiala v rechi krymchan [Display of creativity potential in the speech of the Crimean dwellers]. In *Sovremennaya kartina mira: krymskij kontekst* [Modern worldview: The Crimean context]. Ed. by G. Y. Bogdanovich. Simferopol, 2017. Pp. 45–68.

9. Konovalova Y. O. *Yazykovaya igra v sovremennoj russkoj razgovornoj rechi* [Language game in the modern Russian speech]. Vladivostok: Izd-vo VGUEHS, 2008. 196 p.
10. Tsyrenova A. B. O nekotorykh osobennostyakh alluzivnoj yazykovoj igry [On some features of allusive language play]. In *Yazyk i kul'tura*. 2011, № 1 (13). P. 109–115.
11. Krassa S. I., Volkogonova A. V. Modeli yazykovoj igry v sotsiolekte [Models of language play in social dialect]. In *South Ural State University Bulletin. Series Linguistics*, 2012, №25. P. 74–79.
12. Lebedeva E. B. Utochnenie ponyatiya «yazykovaya igra» v lingvistike [Refinement of the concept of language play in linguistics]. In *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2014, № 4. P. 48–63.
13. Rabenko T. G. Fatika i sredstva ee realizatsii v radiofire [Phatics and means of its realization on the radio]. In *Tomsk State University. Journal of Philology*, 2014, № 3 (29). P. 50–59.
14. Funikova S. V. Yazykovaja igra kak aktualnaya tendentsiya v gorodskoj kommunikatsii (na materiale g. Belgorod) [Language play as an actual trend in the urban communication in the city of Belgorod]. In *Research result. Theoretical and applied linguistics*, 2016, Vol. 2, № 3. P. 35–40.
15. Searle J. Chto takoe rechevoj akt? [What is a speech act?]. In *Filosofiya yazyka*. Moscow: Editorial URSS, 2010. P. 56–75.
16. Klyuev E. V. *Rechevaya kommunikatsiya* [Oral communication]. Moscow: RIPOL KLAASSIK, 2002. 320 p.
17. Benveniste E. Formalnyj apparat vyskazyvaniya [The formal apparatus of enunciation]. In *Obshchaya lingvistika*. Ed. by Y. S. Stepanov. Moscow: Progress, 1974. P. 311–319.
18. Vinokur T. G. *Govoryashhij i slushayushhij. Varianty rechevogo povedeniya* [A speaker and a listener. The variants of speech behavior]. Moscow: Nauka, 1993. 172 p.
19. Vinokur T. G. *Zakonomernosti stilisticheskogo ispol'zovaniya yazykovykh edinit* [Regularities in stylistic usage of language units]. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. 240 p.
20. Vinokur T. G. Informativnaya i faticheskaya rech kak vyrazhenie raznykh kommunikativnykh namerenij govoryashchego i slushajushchego [Informative and phatic speech as expression of the communicative intentions of a speaker and a listener]. In *Russkij yazyk v ego funkcionirovani. Kommunikativno-pragmaticheskij aspekt*. Moscow: Nauka, 1993. P. 5–29.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Тимофеева Н. Ю., аспирант кафедры русского, славянского и общего языкознания
E-mail: natashanorge@mail.ru

Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky
Timofeeva N. Yu., Post-graduate Student of the Russian Slavonic and General Linguistics Department
E-mail: natashanorge@mail.ru